

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2

EDN: СКРЕАВ

*Д.О. ТИМОШКИН^{1, 2}, Д.С. ПЧЕЛКИНА¹,
А.С. САМАРИН^{1, 2}, В.В. ХВОРОСТОВ¹, Р.В. ТОМИЛИН¹*

¹ Кафедра культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет.
660041, Красноярск, Свободный просп., д. 79.

² Лаборатория исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет.
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК МЕХАНИЗМ (ВОС)ПРОИЗВОДСТВА МИГРАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЦИФРОВЫХ ПЛОЩАДОК РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ В КОРЕЕ)¹

Аннотация: В статье анализируются тексты, создаваемые пользователями русскоязычных цифровых коммуникационных площадок, посвященных эмиграции в Республику Корея. Цель исследования заключалась в том, чтобы определить, какими значениями в этих текстах наделяется эта страна, выстроив гипотезу о влиянии данных образов на миграционные стратегии выходцев из России. Тексты отбирались в тематических сообществах сетей с максимальным количеством русскоязычных пользователей. Исследовательским инструментом стала техника дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф. Корея рассматривалась как узловой знак, объединяющий мигрантские тексты в единый дискурс. Значение этого знака определялось путем анализа выстроенных авторами текстов ассоциаций между принимающей страной и определенными ситуациями и действиями. Установлено, что в этом процессе активнее всего участвуют маятниковые мигранты, работающие в стране нелегально; образовательные мигранты; посредники; сообщества фанатов К-поп и дорам. В сообщениях пользователей, ориентированных на теневой сегмент рынка труда, Корея представлена как страна, максимально лояльная к работающим нелегально приезжим. Корея в нарративе образовательных мигрантов — развитая, безопасная и богатая страна, оптимальная для постоянного проживания. Группы, посвященные корейской массовой культуре, ассоциируют Корею с мужчиной-айдаолом, сверхпотреблением, декорациями и героями дорам. Их участники могут описывать обе названные выше стратегии. Посредники воспроизводят образы, созданные в текстах мигрантов-нелегалов и К-поп-сообществ, идеализируя Корею и игнорируя многочисленные сложности и риски, связанные с пребыванием здесь. Опираясь на выстроенную Г. Кляйном модель принятия решений в ситуации неопределенности, можно предположить, что мигрантские социальные медиа влияют на содержание

¹ Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда в рамках проекта «Образы Республики Корея и КНДР в современном российском обществе и информационном пространстве».

и направление миграционных потоков, встраиваясь в процесс принятия решений на этапе «ментальных симуляций». Созданные здесь образы становятся основой для миграционных мотиваций, а описываемые разными группами стратегии являются руководством к действию, заменяя в процессе создания «ментальной» симуляции собственный, эмпирический опыт. Можно предположить, что рассмотренные текстовые массивы способствуют воспроизводству двух типов миграционных потоков из стран СНГ. Первый состоит из мужчин, рассчитывающих на краткосрочное пребывание в стране и тяжелый физический труд; второй — из женщин, в большей степени рассчитывающих на получение здесь высшего образования, долгосрочное пребывание и полноценную интеграцию, в том числе посредством вступления в брак.

Ключевые слова: Корея; миграционные стратегии; миграционная мотивация; социальные медиа; дискурс; ментальные симуляции; неформальная экономика.

Для цитирования: Тимошкин Д.О., Пчелкина Д.С., Самарин А.С., Хворостов В.В., Томилиן Р.В. Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корею) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2 EDN: СКРЕАВ

Республика Корея является популярным миграционным направлением, в том числе для выходцев из стран СНГ [3]. Этому способствует открытая миграционная политика государства, заинтересованного как в улучшении демографической ситуации [14, с. 37], так и в заполнении «3d» (dirty, dangerous, difficult) вакансий [32]. Корея испытывает потребность [7, с. 146] в неквалифицированной рабочей силе: сельскохозяйственных и фабричных рабочих, строителях, работниках ЖКХ. Сравнительно высокие для региона зарплаты [4] и относительная лояльность государства и общества [17] к мигрантам приводят к постоянному увеличению числа иностранцев, проживающих в стране [27].

РФ до пандемии COVID-19 входила в десятку стран, поставляющих в Корею рабочую силу [12]. Страна все чаще упоминалась в СМИ² и повседневной коммуникации [13] на востоке России как желательное миграционное направление. К 2011 г. россияне были на третьем месте после китайцев и узбеков по числу держателей визы H2, дающей право на въезд в страну и работу в ней [6]. После объявления безвизового режима между странами в 2014 г. в Корею стало прибывать все больше русскоязычных туристов. К фиксируемым статистикой трудовым мигрантам из РФ можно прибавить немалую часть (от нескольких сотен тысяч³) въезжающих как туристы на безвизовый период [26, р. 46]. Увеличился и поток

² Зарплаты выше, но учеба и лечение только за деньги // 59.ru. Пермь онлайн [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: <https://59.ru/text/world/2022/04/03/70734554/>

³ Въездные и выездные туристские поездки // Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]. Дата обращения 02.06.2022. URL: [https://gks.ru/folder/23457\(31\)](https://gks.ru/folder/23457(31))

въезжающих по студенческим визам⁴ и визам для артистов. Последний тип виз нередко использовался женщинами, рассчитывающими на работу в эскорт-услугах, вытеснившими с этого рынка таек и филиппинок [32]. Несмотря на предпринятые государством попытки ограничить возможности нелегально работать в стране [28], до начала эпидемии COVID-19 в Корею ежегодно попадало много мигрантов из стран СНГ, занятых в теневом сегменте [20] и не фиксируемых статистикой.

Цель исследования – выделить и описать образы Республики Корея в нарративах русскоязычных мигрантских цифровых медиа, выдвинув гипотезу о том, какую роль в формировании миграционных потоков данные образы могут играть.

Выбор социальных медиа, которые определяются здесь как «*категория онлайн-медиа, где люди говорят, участвуют, обмениваются, общаются и собирают закладки в Интернете*» [15], обусловлен их масштабным и всесторонним воздействием на миграционные процессы. Медиа способствуют интеграции мигрантов в принимающее сообщество [16], облегчая накопление разных форм капитала [11], снижая издержки, связанные с легализацией. Группы в социальных сетях, каналы в мессенджерах расширяют [9; 18; 30] возможности столь важных для трансграничных мигрантов [1; 19; 2] горизонтальных сетей, снижая значимость фактора времени и пространства. Социальные медиа становятся не менее важным инструментом формирования повестки дня, нежели медиа традиционные, влияя не только на то, как принимающее сообщество воспринимает мигрантов, но и на то, как приезжие видят принимающую страну. Информация социальных медиа активно используется людьми при выборе миграционного направления, а также тактик интеграции в принимающей стране [21].

Ситуация, в которой находятся мигранты, связана с большим стрессом [29, с. 60], вызванным осознанием серьезности последствий неверного выбора и дефицитом информации. Цифровые коммуникационные площадки используются для того, чтобы предусмотреть потенциальные риски, снизить неопределенность, а значит, и уровень стресса. Сведения о том, как пересекать границу, где искать работу и жилье, какие ловушки можно встретить на этом пути, необходимы для построения «ментальной симуляции» [8, с. 91; 28], в ходе которой проигрываются возможные исходы того или иного алгоритма действий в предстоящей стрессовой ситуации, по результатам такой симуляции принимается решение. Исследователи отмечают, что существенное влияние на результат ментальной симуляции может оказывать эмоциональная составляющая [23].

Предположительно пользователи множества тематических мигрантских площадок будут создавать и воспроизводить в своих сообщениях образ принимающей страны, частью которого будут ассоциируемые

⁴ Туристический поток из России в Южную Корею в 2019 г. вырос на 13,4% // Ассоциация туроператоров [электронный ресурс]. Дата обращения 02.06.2022. URL: <https://www.atorus.ru/NEWS/PRESS-CENTRE/new/50034.html>

с ней эмоции, пространства и действия, а также тактики интеграции в местную экономику и общество. На этот образ могут ориентироваться другие пользователи, которые только планируют отъезд и находятся на стадии создания «ментальной симуляции», необходимой для прогнозирования в ситуации неопределенности и высоких рисков.

Поиск социальных медиа, содержащих тексты, релевантные для цели исследования, осуществлялся на лидирующих по числу русскоязычных пользователей площадках⁵: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook⁶, Twitter⁷, YouTube. Мы искали группы, содержащие в названии разные комбинации ключевых слов: «Южная Корея», «названия крупнейших городов республики»⁸, «синонимы слова “мигрант”», «“мигрантский” сленг». Также рассматривались площадки, которые упоминались пользователями в диалогах, но не вошли в начальную подборку.

Количество найденных площадок составило несколько тысяч, был введен ряд ограничений, позволивших сохранить лишь наиболее подходящие из них. Исключались группы, в которых длительное время не было опубликовано ни одного пользовательского комментария, группы численностью менее 1000 человек или не связанные с темой миграции. Всего в выборку попало 364 цифровые площадки — как земельных, так и объединяющих русскоязычных мигрантов со всего СНГ.

С помощью метода ретроспективного онлайн-наблюдения [27] проводился сбор постов и комментариев, находившихся в открытом доступе. Глубина погружения была ограничена оригинальностью встречающихся тем. Поиск прекращался, если упоминаемые в текстах ситуации, места и действия начинали повторяться. Рассматривался контент, созданный до пандемии COVID-19, поскольку это событие существенно изменило миграционные потоки, изучение изменений не входило в нашу задачу.

При исследовании полученного массива использовалась техника дискурс-анализа, основанная на теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [6; 24], которая заключается в определении узловых знаков и формирующих их значение понятий. «Южная Корея + миграция» рассматривалось как узловой, «привилегированный» знак, объединяющий множество обнаруженных на тематических площадках текстов в единый дискурс. Ситуации, пространства и действия, описываемые пользователями найденных групп, рассматривались как определяющие узловой знак.

В теории дискурса Лакло и Муфф значение, связанное с той или иной практикой, формируется сетью взаимных отсылок между узловым знаком,

⁵ Опрос ВЦИОМа показал самые популярные соцсети в России [электронный ресурс]. Дата обращения 02.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60e3bd819a79476c5b785733>

⁶ Решением Тверского суда Москвы от 21 марта 2022 г. деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории РФ, данные используются только в исследовательских целях.

⁷ Заблокирована в Российской Федерации.

⁸ South Korea: Urban areas and towns [online]. Accessed 02.06.2022. URL: <https://www.citypopulation.de/en/southkorea/towns/>

ключевым для этой практики, и множеством других понятий. Эта конфигурация смыслов никогда не бывает окончательной, и каждый новый акт коммуникации может установить новую, изменив сложившуюся систему отсылок, а следовательно, и значение узлового знака. Каждая артикуляция воспроизводит конфигурацию смыслов, связанных с социальной практикой, располагая узловой знак в том или ином соотношении с множеством контекстов, без которых невозможно его понимание. Артикуляцию Лакло и Муфф связывали с процессом превращения «элемента» — узлового знака, не включенного в относительно устойчивую конфигурацию смыслов, в «момент» — знак, смысл которого временно зафиксирован благодаря системе конвенциональных отсылок к другим знакам. Таким образом, изучая то, как различные акторы, описывающие социальную практику, выстраивают конфигурации смыслов, включая туда узловой знак, обозначающий ее, мы изучаем и саму практику как таковую.

Рассматривая миграцию в Южную Корею в контексте теории Лакло и Муфф, можно предположить, что массив социальных медиа будет представлять собой зафиксированную артикуляцию миграционных процессов основными участвующими в них акторами, в ходе которой узловой знак «миграция в Южную Корею» будет помещаться в различные конфигурации по отношению к тем или иным социальным практикам, пространствам и группам. Установив, кто участвует в этом процессе и какие смысловые конфигурации они создают, мы можем понять, какие группы влияют на производство связанных с этой социальной практикой смыслов и какие значения они ассоциируют с интересующим нас узловым знаком. Теория Г. Кляйна, а также имеющиеся исследования влияния социальных медиа на принятие миграционных решений [22] позволяют утверждать, что люди могут действовать, ориентируясь на сформированные социальными медиа образы независимо от того, насколько те соответствуют реальности, что повышает актуальность исследования.

Лакло и Муфф не описывали подробно алгоритм анализа дискурса, однако это можно сделать, опираясь на выделенные ими ключевые концепты, такие как «элемент», «момент», «узловой знак», а также ориентируясь на работы коллег [5; 25]. Первым шагом алгоритма может быть определение узлового знака, ключевого для исследуемой социальной практики, значение которого будут обсуждать основные акторы-участники. В нашем случае это «миграция в Южную Корею».

Для многих посетителей данных площадок знак оказывается в прямом смысле «пустым», «элементом» — пользователи не имеют устойчивых ассоциаций с ним и посещают тематические группы в социальных медиа именно с целью изменить ситуацию. Это выражается во множестве запросов информации относительно того, что представляет собой тот или иной этап миграционного пути и каких действий он требует. Собственно, коммуникация в пределах мигрантских площадок как нельзя более наглядно демонстрирует процесс превращения узлового знака «миграция в Южную Корею» из элемента в момент: пользователи, участвующие в обсуждениях, получают необходимые

сведения для выстраивания смысловой конфигурации, частью которой, помимо узлового знака, становятся те или иные социальные ситуации, алгоритмы действий, пространства, эмоции.

Следующий шаг: установить, с какими понятиями связывается узловой знак в интересующем нас текстовом массиве. Это можно сделать, установив так называемые «цепочки эквивалентности» [31] — понятия, эквивалентные узловому знаку в совокупности высказываний. Далее мы можем выяснить, какие акторы выстраивают определенные цепочки эквивалентности, определив сходства и противоречия между транслируемыми ими значениями. Сформулируем вопросы, ответы на которые рассматриваются как исследовательские задачи: с какими социальными действиями оказывается связан узловой знак «Южная Корея»? Какие социальные ситуации представляют миграцию в эту страну для разных акторов, участвующих в коммуникации? С какими пространствами Корея ассоциируется? Какие эмоции вызывает? Последнее представляется крайне важным в силу отмечаемой различными исследователями значимости эмоционального контекста в процессе принятия решений.

«3d» рабочие, посредники, фанаты как производители миграционных мотиваций

Обнаруженный массив содержит диалоги, в которых происходит обмен информацией о ключевых для переезда в Корею ситуациях и способах их преодоления⁹, рекламу посредников¹⁰, обслуживающих миграционные потоки, обсуждения массовой культуры. В первую очередь в таких диалогах участвуют пользователи, которые говорили о наличии у них миграционного опыта; организации и частные лица, оказывающие легальные и нелегальные услуги мигрантам; фанаты К-рор и дорам; а также пользователи, которые только готовились к отъезду и находились на стадии сбора информации. Именно эти акторы создали большинство социальных медиа, попавших в подборку: мигрантские группы во «ВКонтакте» и Facebook, странички агентств, переправляющих в Корею неквалифицированных рабочих, в том числе секс-работников¹¹, фан-группы актеров дорам¹² и айдолов¹³. Данные

⁹ Ищу работу в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <http://www.korea-travel.ru/forum/5/10.html?skip=10>

¹⁰ Работа в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://e-migration.ru/yuzhnaya-koreya/rabota-v-yuzhnoj-koree.html>

¹¹ Как найти работу в Корее. Реальная история [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OEwdgrwYVxU>

¹² Как часто вы просматриваете любимые дорамы? [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/enjoy_korea?w=wall-47216024_110415

¹³ Типичный Тэмин [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/typical_taemin

акторы являются основными производителями «цепочек эквивалентности» между «миграцией в Южную Корею» и связанными с этим процессом социальными пространствами и практиками.

Одним из наиболее значимых фрагментов «цепочек эквивалентности», создаваемых мигрантами и посредниками, становится нелегальная работа в Корее, причем чаще всего его воспроизводят состоявшиеся и потенциальные мигранты, ориентированные на теневой рынок труда. В их высказываниях страна представлена как место, максимально благоприятное для быстрого заработка с минимальными тратами¹⁴ на легализацию и интеграцию. Корея в сообщениях этой группы открыта и лояльна к нелегальной рабочей силе¹⁵, готовой к тяжелому физическому труду или к работе в секс-индустрии. Отсутствие квалификации, денег, незнание языка не рассматриваются как препятствие¹⁶: любые новоприбывшие могут быстро найти работу в корейских городах¹⁷, обеспечив себе высокий доход.

*Народ, приезжайте в Корею, рабочей силы не хватает. Зарплаты хорошие. В СНГ печаль поэтому давайте сюда. Примерно 170 долларов в день. От 90 до 300 долларов в зависимости где и кем работать. Есть ли виза или нет. Опыт работы. Знание языка. От многих параметров зависит ЗП. Сейчас идет работа на полях, стелят пленку, сдельная зп, можно поднять 250 долларов. Или арбузы в июне месяце. Альпом, средняя 170 долларов в день. Если опыта нет. Начнете с 80 долларов в день*¹⁸.

(При цитировании пользовательских сообщений сохранены оригинальная грамматика и пунктуация.)

Одним из ключевых смыслов, определяющих узловую точку «Южная Корея» в создаваемых трудовыми мигрантами цепочках эквивалентности, являются доступные «3д» рабочие места — заводы¹⁹, поля, фасады высот-

¹⁴ Хотим с девушкой улететь на заработки в Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/anonim_korea?w=wall-124005320_675501

¹⁵ Южная Корея, 206 долларов за один объект, 7 часов работы [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_ZuLxulUCLs

¹⁶ Вакансии, специалисты. Сеул сеть — помогаем нашим [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/roffront.southkorea/>

¹⁷ Работа в Корее. Путешествия [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://vk.com/ourtravelstory>

¹⁸ Аноним Корея. Рабочей силы не хватает [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/anonim_korea?w=wall-124005320_676532

¹⁹ Треш-работа в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=471xgkLnPjg>

ных зданий²⁰, стройки. Помимо этого, артикуляции пользователей-мигрантов содержат подробные алгоритмы прохождения наиболее значимых этапов процесса интеграции в корейский теневой рынок труда — поиск надежного посредника, технические аспекты выполнения тех или иных работ. В то же время пользователями обсуждаются и оцениваются многочисленные риски²¹, в том числе невыплата зарплат нелегальным рабочим²², доносы в миграционную службу, закабаление, травмы на рабочем месте, депортация и другие последствия нарушения миграционного законодательства, которые также становятся частью «цепочек эквивалентности». Упоминание рисков приводит к возникновению противоречий, которые пользователи-мигранты пытаются разрешить в ходе дискуссий по поводу того, какое значение в цепочке эквивалентности является доминирующим — высокий доход или связанные с этим риски²³. От исхода дискуссии зависит, в конечном счете, то, какое значение определяет миграцию в Южную Корею — опасность или выгода.

Характерно, что в большинстве дискуссий пользователи — и мужчины, и женщины — рано или поздно признают приемлемость миграционных стратегий, ориентированных на нелегальную работу в республике, невзирая на риски. Опасности, связанные с неформальной занятостью, нивелируются за счет развитых, построенных на доверии горизонтальных сетей, которые также становятся неотъемлемой частью «цепочек эквивалентности»²⁴. Другие риски в ходе обсуждения признаются малозначимыми. Например, последствия нарушения миграционного законодательства, неизбежно возникающие в случае занятости в теневом сегменте рынка труда, не считаются серьезной угрозой²⁵, так как снова и снова констатируется, что корейская бю-

²⁰ Работа в Южной Корее. Промальп [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LctGduUicbE>

²¹ Как устроить жизнь в Южной Корее. Работа [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zT-Kw_5uxJQ

²² Саджан не отдает деньги, работал месяц март [электронный ресурс]. Дата обращения 25.03.2023. URL: https://vk.com/wall-124005320_33409?ysclid=1gg91omi9u125924444

²³ Подскажите, пожалуйста!!! Имею ли я право работать на арбайте с визой H2? [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/833065480090324/search/?q=%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA>

²⁴ Девочки, вы просто не представляете, что можно выбить свои заработанные деньги, будучи нелегалкой, у сульчибных саджанов [электронный ресурс]. Дата обращения 03.04.2023. URL: <http://wap.hamkke.borda.ru/?1-20-8880-00019237-000-0-0>

²⁵ Вопрос: Нахожусь в Корее нелегалом, заехал по безвизовому режиму... Остался работать дальше! Скажите, что мне грозит, и грозит ли тюрьма, и как там в тюрьме? Ответьте только честно и тот, кто реально через это прошел... Ответ: Не грозит вам тюрьма. Штрафов нет и не будет. Запрет от

рократия в целом лояльна к подобным вещам²⁶. Если не совершать уголовных преступлений, шанс, что тебя поймают и накажут, крайне невысок. В пользу определения Южной Кореи как пространства, где выгода от нелегальной деятельности превышает риски, приводятся соображения о безальтернативности стратегии, ориентированной на теневой рынок труда. Интеграция, если понимать под ней включение в общество принимающей страны, часто не входит в планы: пользователи — маятниковые мигранты почти не уделяют внимания культуре страны, не общаются с местными (в качестве частого исключения упоминаются посредники-репатрианты и работодатели — «саджаны» или — реже — правозащитники). Трудовые мигранты, ориентированные на теневой рынок труда, выстраивают «цепочки эквивалентности», в которых Южная Корея представлена как место, где можно быстро заработать, не имея практически никаких специальных навыков, и при этом не подвергнуться серьезным опасностям благодаря относительной лояльности местной бюрократии к неформальной занятости. Страна ассоциируется в их нарративе с разнообразными «3д» рабочими местами, развитыми горизонтальными мигрантскими сетями, различными ситуациями, связанными с пересечением государственной границы Республики Корея.

Следующая категория мигрантов, которые активно участвуют в производстве «цепочек эквивалентности», представляют страну как место, подходящее для постоянного проживания, что обеспечивается путем легализации через образование. Большая часть пользователей, описывающих Корею как привлекательное место для получения образования в пределах рассмотренных цифровых площадок, — женщины. Пользователи, относящиеся к данной категории, больше внимания уделяют миру за пределами рабочих мест, включая массовую культуру²⁷, библиотеки, рестораны и бары²⁸, ночные клубы. Частью их повседневности также становятся офисы²⁹, университетские аудитории³⁰, сфера обслуживания, репетиторство, почти не встречающиеся в сообщениях

1 до 10 лет в ЮК. И всё [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/topic-124005320_34369390

²⁶ Правительство понимает, что, кроме них, на эту работу сами корейцы вряд ли пойдут, а кому-то нужно это делать, потому порой и закрывают на это глаза [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/wall-38811861_50236?ysclid=lgg9thblk9299774372

²⁷ My life in Seoul [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.1022. URL: <https://vk.com/club131789646>

²⁸ Второй русский бар от того же хозяина [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: https://vk.com/whatsupseoull?w=wall-23299451_1527

²⁹ Снова учусь в Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: https://vk.com/milain94?w=wall-127353838_4260%2Fall

³⁰ Магистратура в корейском университете [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/int_korean?w=wall-174464012_4633

маятниковых трудовых мигрантов. Элементом создаваемых этими пользователями «цепочек эквивалентности» становятся сферы занятости по обслуживанию миграционных потоков, состоящих из бывших соотечественников. Характерные для сообщений маятниковых мигрантов «3д» рабочие места здесь практически отсутствуют. Впрочем, это не означает, что люди, попавшие в страну по студенческой визе, не могут использовать элементы миграционных стратегий, которые в большей степени характерны для трудовых мигрантов, ориентированных на теневой сегмент. Некоторые образовательные мигранты нуждаются в источнике дохода на период обучения, а предусмотренной законом частичной занятости не хватает, чтобы покрыть расходы³¹, это гипотетически может подталкивать их к работе на «арбайте» или в «хостесе». Кроме того, мигранты могут изначально, получая образовательную визу, ориентироваться на занятость в теневом сегменте³².

Производством и распространением представлений о Корее активно занимаются пользователи социальных медиа, посвященных корейской массовой культуре. Неотъемлемой частью «цепочек эквивалентности» становятся айдола — звезды корейской эстрады, обсуждения и фото которых³³ составляют значительную часть публикуемого здесь контента. Фактически республика в нарративе данной группы представлена как сексуально объективированная поп-звезда, и поездка туда рассматривается многими пользователями именно как поездка к айдолу³⁴. Множество площадок в Facebook, «ВКонтакте», YouTube и Twitter фактически репрезентируют это желание³⁵. Например, в подборку попало сообщество, в котором на протяжении нескольких лет пользователь ведет дневник о своей совместной жизни с айдолами в Сеуле³⁶.

Пользователей фанатских групп привлекает возможность «встретить айдола» или в крайнем случае обычного корейца, которые в текстовом массиве фанатских площадок выглядят как представители

³¹ В данный момент нахожусь в Корее и хотелось бы подработать на дальнейшее обучение на курсах [электронный ресурс]. Дата обращения 11.05.2022. URL: https://vk.com/topic-36630837_26987766?ysclid=lgg9mc3av2585300591

³² Работа для красивых, ухоженных, ярких и женственных девушек [электронный ресурс]. Дата обращения 09.04.2023. URL: https://vk.com/wall-21258452_11300

³³ Ж*ой на стуле, мысленно в Сеуле [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://mobile.twitter.com/ytotatata_

³⁴ Плюсы и минусы жизни в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wL_Zouhis7A

³⁵ Ж*па на стуле, мыслями в Сеуле [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://vk.com/public53117338>

³⁶ Я в Сеуле с BTS [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: <https://twitter.com/inSeoulwithBTS>

Uzzang (субкультура, часть корейского социального феномена лужизма). Образ, созданный фанатскими группами, может становиться причиной переезда. В приведенном ниже высказывании администратор одной из мигрантских групп, описывая цель создания паблика, указывает на то, что ее подтолкнуло к переезду знакомство с К-роп-культурой в тематических сообществах.

До приезда мы как и все думали, что тут все пушисто, как глаголят вафельные паблики, но по приезду мы столкнулись с немного иным миром, о котором никто не говорил... Мир не ужаса и шока, как вы могли уже себе напридумывать, а всего навсего другой. Умные люди говорят, обманывать себя плохо, а мы будем теми людьми, которые развеют ваши воздушные ожидания, расскажут о минусах и просто классных деталях, о которых обычно молчат. Если коротко и ясно: вся правда тут или мы мис мира клоп³⁷.

Обсуждение корейской субкультуры продолжается и за пределами фанатских групп, особенно интенсивно — в группах образовательных мигрантов и языковых сообществах, большинство которых составляют женщины. Здесь также знакомство с корейской массовой культурой, в том числе посредством контента тематических цифровых площадок³⁸, могут называть основным мотивом для переезда.

Здравствуйте. Мне 15 и у меня есть мечта. Я хочу попасть в Южную Корею, завести друзей там. И главное, я хочу (как бы это банально не звучало) попасть на концерт к-роп группы ИМЕННО в Корею. Проникнуться минталитетом этой страны.

Привет, меня зовут Юлия, мне 19 лет. <...> Раньше моей маленькой мечтой, было просто побывать хоть денек в Сеуле. Но потом, когда я наткнулась на К-роп (Бтс), то все, я захотела поехать не просто как на экскурсию, а для того, чтобы там начать жизнь заново. Они меня безумно на это вдохновили и подтолкнули к изучению языка.

Здравствуйте! Мне 17 лет. <...> Познакомилась с корейской культурой я в возрасте 12 лет, но желание учить корейский язык появилось в пятнадцатилетнем возрасте. Появление этого желания связано с моим увлечением дорамами и К-роп'ом, ведь стало интересно, что же артисты и актеры хотят передать данным высказыванием, какие эмоции. <...> Находясь в выпускном классе, я решила подать документы в вузы не только своей страны, но и за границы, а именно Южной Кореи.

Следующий актер, участвующий в производстве значений, определяющих Корею в мигрантских социальных медиа, — посредники. Это и легальные организации, оказывающие услуги мигрантам, и частные

³⁷ Привет! Мы — несколько ребят, живущих в Сеуле [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/whatsupseoull?w=wall-23299451_1047

³⁸ Мотивационные письма [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: https://vk.com/topic-147949897_44325458?offset=280

лица, связанные с теневым сегментом корейского рынка труда. Они эксплуатируют «цепочки эквивалентности», сформулированные маятниковыми трудовыми мигрантами и фанатами, удаляя упоминания проблем, связанных с переездом, противоречия и любые факты, которые могут оттолкнуть потенциального клиента. Одни посредники ретранслируют образ Кореи из фанатских сообществ, продавая путевки по местам, где снимались популярные дорамы, или по городам, в которых проходят концерты айдолов. Другие продают возможность быстрого заработка на корейских полях и заводах. Третьи — возможность встретиться или вступить в брак с «хангуком», а фактически — работу в эскорте.

Привет) 😊 Открыта вакансия, Работа в Южной Корее) Отличный способ заработать денег и отдохнуть 😊😊 Перелет и Проживание за наш счет 😊 (Работа в караоке)) СТРОГО БЕЗ ИНТИМА!!!! Если интересно, расскажу все в мелочах)) пиши «Хочу в Корею»³⁹.

А ты уже пользовалась корейской косметикой? Ходила в платье с кедами? Любовалась фотками цветущих сакур? Почему бы не отправиться на родину всего этого — Южную Корею? Сотни девушек славянской внешности мечтают окунуться в культуру этой удивительной страны и пожить настоящей корейской жизнью. И надо сказать, многим это удается. Как? С помощью работы на консумации в барах или клубах Кореи. <...> Девушки здесь не столько общаются с мужчинами, сколько веселятся и «зажигают». <...> Работа в Корее хостес не требует от девушек знания корейского языка, для нее не нужна корейская рабочая виза или корейское образование⁴⁰.

Идеализированный образ оспаривается самими мигрантами, однако остается достаточно распространенным в тематических медиа. Более того, как показывают приведенные выше сообщения пользователей фанатских пабликов и отзывы женщин, воспользовавшихся услугами посредников⁴¹, идеализированный образ нередко становится ключевой миграционной мотивацией.

Частью «цепочек эквивалентности», формируемых трудовыми, образовательными мигрантами и посредниками, становятся не только пространства и практики, но и фактически миграционные мотивации (быстрый заработок при низких рисках, выгодный брак, самореализация, интеграция в более «цивилизованное» общество и т. п.). Как будет показано далее, помимо причин, по которым поездка в Корею может показаться выгодным, интересным и привлекательным предприятием,

³⁹ Мам, я хочу в Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2023. URL: https://vk.com/fyskpop?z=photo-107352132_456239846%2Falbum-107352132_00%2Frev

⁴⁰ Работа в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2022. URL: <https://agency-ego.com/country/rabota-v-koree-dlya-devushek>

⁴¹ Подскажите отзывы об агентстве [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: <https://www.otzyvy.club/podskazhite-otzyivyi-o-agenstvu-ego-agency/>

присутствующие в мигрантских медиа «цепочки эквивалентности» содержат разнообразные алгоритмы того, как именно это надо сделать.

Граница, самушиль, завод: обсуждение миграционных стратегий в тематических социальных медиа

Актеры, обсуждающие Корею в мигрантских цифровых медиа, включают в «цепочки эквивалентности» описания различных алгоритмов действий, которые могут стать основой ментальных симуляций людей, готовящихся к переезду. Эта информация может быть использована для выстраивания последовательности действий, позволяющих снизить издержки и увеличить выгоды на всем миграционном пути — от приземления в корейском аэропорту до покупки в Корее недвижимости.

Поскольку многие потенциальные мигранты никогда не покидали свою страну, единственным способом построить ментальную симуляцию, снизив тем самым неопределенность, становится получение информации откуда-то со стороны. Далеко не у всех есть знакомые с релевантным опытом, поэтому приходится обращаться за помощью к незнакомцам в социальных медиа, о чем свидетельствует множество запросов об этапах миграционного пути — от выбора тактики пересечения границы и поиска работы⁴² до школы, в которую можно отдать детей⁴³.

Часть пользователей — трудовых мигрантов, планируя отъезд, исходят из того, что воспользоваться законным способом попасть на заработки в Корею они не смогут, если не обладают необходимыми навыками или ресурсами⁴⁴. Они не могут позволить себе и полноценную интеграцию в корейских городах, место в корейском «среднем классе». Нуждаясь в быстром заработке, они не могут себе позволить и образовательную миграцию. Данная категория пользователей включает в «цепочки эквивалентности», определяющие узловую точку «Южная Корея», алгоритмы интеграции в неформальную экономику принимающей страны, первые шаги которых могут осуществляться еще в России.

Самой распространенной стратегией этой группы становится работа «вахтой» в отраслях, где можно обойтись без специальных навыков, знания корейского языка и формального разрешения на труд в Корее. «Цепочка эквивалентности», включающая занятость в теневом сегменте, часто подразумевает въезд в страну на безвизовый период (60 дней до ковида), работу на самушиле, возвращение в Россию по истечении срока. Затем — повтор того же алгоритма с той лишь разницей, что на протяжении первого срока пребывания в стране многие обзаводятся кон-

⁴² Подскажите, у кого есть опыт работы в Корее? [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: https://vk.com/wall-66584412_435454

⁴³ Русскоязычные школы в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: https://vk.com/wall-124005320_713433

⁴⁴ Работа в Корее без визы [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/415844468873389/>

тактами на корейском рынке труда. Это позволяет им в следующий заезд обратиться к знакомому работодателю, что существенно снижает риски.

Первым шагом этого алгоритма становится, в зависимости от предпочтений, либо обращение в России к посреднику, который может за небольшой процент от заработка свести будущего мигранта с корейскими работодателями, действующими в теневом сегменте, либо самостоятельный поиск работы на месте. Самым важным этапом становится переход границы. В текстах, создаваемых трудовыми мигрантами, ориентированными на неформальную занятость, нередко констатируется: если уж тебе удалось попасть в страну, ты без проблем найдешь работу и сможешь оставаться здесь годами, не заботясь о статусе. Убедить корейских таможенников в том, что ты простой турист, — самая главная задача.

Нужен обязательно обратный билет. Желательно на адекватную туристическую дату. То есть, не через два месяца, а через неделю, скажем. Билет должен быть возвратным. Как только пройдешь границу, билет можно сдать. Нужна бронь в отеле на весь срок по билетам. Можно сделать на букинге, если найти вариант с бесплатной отменой. Нужна легенда на случай, если начнут расспрашивать о твоём туристическом маршруте. Надо выбрать достопримечательности в крупных городах, запомнить их. Нужно, чтобы в кармане было минимум 50 баксов на каждый день того срока, который ты пробудешь тут по билетам⁴⁵.

Мигрант должен получить и «скорректировать» (иногда — просто поправить в графическом редакторе) выписку из российского банка так, чтобы в ней была обозначена необходимая для пребывания в Корее сумма. В некоторых случаях алгоритм предполагает покупку билетов из России в третью страну, откуда осуществляется въезд в Корею, так как таможня неохотно пропускает выезжающих из России напрямую. Отмечается, что лучше выбрать рейс, прибывающий ночью, так как ночью бдительность таможенников снижается. Надо изучить географию города, в который ты направляешься, и, в конце концов, отдать должное корейскому лукизму, чтобы соответствовать представлениям корейской бюрократии о том, как должен выглядеть приличный турист.

Обязательно сбрить бороду. Прическу сделать. Плюс очки обязательно надеть. Таможенник видит в вас прежде всего нелегальную рабочую силу, поэтому надо прикинуться ботаником. Вы будете, скорее всего, работать на стройке если останетесь нелегально, если вы худенький, маленький ботан, значит, вероятность больше, что вы будете отдыхать⁴⁶.

⁴⁵ Работа в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XrodYUZ_97w

⁴⁶ Как пройти границу в Южной Корее без визы так, чтобы не отправили обратно [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hdKaRvo9PcM>

Следующий этап — поиск работодателей. Объявления о найме и поиске работы, для которой будет достаточно туристической визы или просто штампа о въезде, встречаются повсеместно, особенно часто — в мигрантских группах в Facebook. Пользователи, не доверяющие посредникам, после пересечения границы отправляются на самушиль — биржу поденных рабочих, которая является отправной точкой десятков и сотен карьер в теневом сегменте рынка труда и важной частью миграционных стратегий.

Вы приезжаете в офис — самушиль. В течение дня приезжают корейцы — саджань, которые набирают команду из нелегалов на стройку, морские работы или землю. Не все нелегалы попадают на работу. Если попали на работу, вас кормят в течение дня. Обед с 12 до 13 часов. В среднем 5 рабочих дней в неделю. Могут предоставить жилье, оплатить газ. Как правило, до 6 человек в одной комнате. Не угадать. Контингент разный. Кто-то алкаш и нарк, кто-то беженец или судимый, которому закрыты варианты работы в России. Со всего СНГ. <...> Завод звонит начальнику самушиля, саджану, и говорит: надо столько-то человек. Работу не принято выбирать. Как правило, работы пустяковые на самушиле, черная, подсобная. Огород, плантации, поле. Приходить надо с 6 утра. На самушиле большая конкуренция, в том числе с корейцами — как с коренными так и с репатриантами. У них есть айди-карты и у них есть преимущества. Но если ты хорошо работаешь, можно поймать постоянную работу⁴⁷.

Самушиль становится еще одним значимым фрагментом «цепочек эквивалентности». Возможность построить карьеру, не выходя за пределы теневого сегмента, пройдя путь от поденного рабочего на полях до оператора станка на одном из заводов крупнейших корейских корпораций, обеспечит вполне сносное существование⁴⁸. Некоторые женщины-мигранты описывают альтернативную стартовую точку карьеры в теневом сегменте, которая предполагает въезд в страну на безвизовый период или по визе для артистов, работу «на консумацию» или в хостесе⁴⁹. Работа в секс-индустрии⁵⁰ упоминается в мигрантских нарративах не так часто, как тяжелый физический труд, однако и ее можно считать частью «цепочки эквивалентности».

⁴⁷ Как найти работу в Южной Корее. Реальная история — 8 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OEwdgrwYVxU>

⁴⁸ Моя история работы в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=zT-Kw_5uxJQ

⁴⁹ Удерживают в рабстве в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IrQIij-e94U>

⁵⁰ Подскажите отзывы об агентстве Ego Agency [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.otzyvy.club/podskazhite-otzyvivi-o-agenstv-ego-agency/>

Те, кто слышал термин консумация, поймут о чем я. Девушка работает в клубе, к ней подсаживаются мужчины и покупает ей коктейли, и девушка имеет процент от покупки ей коктейля. Есть также работа в караоке, и она подразумевает сопровождение. Компания корейских мужчин приходит в караоке и выбирает девушек себе в напарницы, чтобы вместе петь песни, выпивать алкоголь и разговаривать. <...> За это девушки получают от 150 000 рублей за 2 месяца. <...> Забыла упомянуть, что работа это нелегальная. Если вас поймают миграционная полиция, то депортируют и запретят въезд в Корею на 5 лет⁵¹.

Элементом миграционных стратегий, описываемых в нарративах мигрантов, рассчитывающих работать нелегально, становится избегание любых контактов с бюрократией. Нелегалы стараются не совершать серьезных — особенно уголовных — преступлений, чтобы не привлечь внимания полиции. Они стараются избегать также рейдов миграционной службы на улицах крупных городов, полях и заводах. Алгоритмы, позволяющие более эффективно это делать, а также нивелировать риски или справляться с угрозами⁵², тоже являются частью «цепочек эквивалентности», определяющих Южную Корею⁵³.

Теневые посредники воспроизводят в своих «цепочках эквивалентности» аналогичные алгоритмы интеграции в Корею, нередко исключая из них упоминания о проблемах и трудностях. Свои услуги посредники позиционируют как способ стать частью созданного ими же идеализированного образа, фактически задавая мигрантам алгоритм действий, который большинство из них могут реализовать бесплатно. Он подразумевает все тот же переход границы в качестве туриста с последующим трудоустройством на самушиле. Один из пользователей так описывал карьеру, начавшуюся с взаимодействия с посредниками:

Посредники. Организация нелегального потока. Отправляют по турвизам, затем передают нанимателям. <...> На следующий день улетели в Корею. В аэропорту прошли паспортный контроль (одного из нашей группы не пропустили). <...> Работали мы на пластиковых окнах. <...> Платили 1 700 000 вон (85 000 рублей). Работал вместе с китайцами, тайцами. Три раза я со своей интернациональной бригадой (15 работников) убежал от иммигрешки в лес!!! Отработал на окнах 2 месяца. Срок визы заканчивался. Я решил остаться в Корее (по совету друзей). Нелегал!!! Зарплата меня не устраивала в Дэсо, и я уехал в г. Ансан (район, где много русских, — Теколь). Снял

⁵¹ Работа в Сеуле отзывы [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://travelask.ru/questions/436772-rabota-v-seule-otzyvy>

⁵² Самониха не отдает зарплату, завтраками кормит. Ребятам, подскажите, куда обращаться? [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/447590308678216/search/?q=%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B5>

⁵³ Сообщения о проводимых облавах на нелегалов в Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://hamkke.borda.ru/?1-3-0-00003191-000-0-0-1210862108>

комнату (320 000 вон в месяц + 1 000 000 вон залог). Пришел в самушиль. На работу взяли сразу. Зарабатывал 100 000–110 000 рублей (+ чаноб, яган). Работал в основном на мебельной фабрике⁵⁴.

Так как многие посредники упоминают о наличии у них миграционного опыта, можно предположить, что они занимаются продажей алгоритма, которым сами воспользовались во время первых поездок в Корею на заработки. Непротиворечивость и стройность создаваемого ими образа повышают вероятность того, что его «купят» другие мигранты. Некоторые посредники используют подобные образы, чтобы фактически обращать мигрантов в рабство. Этим занимаются как полулегальные «агентства», вербующие женщин в секс-индустрию, так и те, кто привлекает мужчин-мигрантов к тяжелому неквалифицированному труду или в сферу обслуживания.

Г. Чиндо, арбайт на Министопе, ребята не вздумайте сюда ехать, нас тут 20 человек работаем за стикеры, не за деньги, деньги не догоняют, потом, когда накапливаются стикеры, начальство переселяет народ в другую квартиру, и вызывают мигрешку, чтобы не платить деньги, разошлите как можно больше людям, чисто кидалово, не можем уехать у некоторых по 30 стикеров, ребята не ведитесь на эти объявления⁵⁵.

Альтернативный алгоритм, также нередко включаемый в «цепочки эквивалентности» пользователями-мигрантами, — въезд в страну в качестве беженцев, по визе G1. Она дает возможность остаться и работать в стране, пока местная бюрократия разбирает их случай и выносит вердикт о возможности удовлетворить просьбу. В случае отрицательного решения мигранты подают апелляцию и остаются в стране еще на какое-то время. Некоторые используют отведенный период для интеграции в корейское общество и выхода на легальный рынок труда.

Альтернативный алгоритм интеграции, который чаще описывают пользователи-женщины, подразумевает организацию бизнес-брака⁵⁶ с «хангуком». Что характерно, выбор политического убежища или бизнес-брака как способа легализации не означает, что человек не будет пользоваться теми же самушилями, востребованными среди людей, въезжающих как туристы. В этой части «цепочки эквивалентности», формируемые людьми, остающимися в стране по разным основаниям, могут совпадать.

⁵⁴ Как я ездила работать в Южную Корею [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: https://pikabu.ru/story/kak_ya_ezdila_rabotat_v_yuzhnyu_koreyu_1_5135188#comments

⁵⁵ Работа в Южной Корее [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/214887318895349/search?q=%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%BE>

⁵⁶ Замуж за хангука!!! Знакомый мужа хочет жениться [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://hamkke.borda.ru/?1-3-0-00003260-000-0-0-1345651409>

Несколько отличаются описания, создаваемые образовательными мигрантами, в которых университеты становятся ключевым инструментом интеграции: Корея предоставляет преференции специалистам с высшим образованием при получении гражданства [21]. Примечательно, что чаще всего эта стратегия обсуждается женщинами. Некоторые мигранты отмечают, что используют университеты как формальный предлог въехать в страну, по факту же будут работать в теневом сегменте. Однако большинство все же рассчитывают во время обучения накопить социальный капитал, чтобы использовать его для выхода на легальный рынок труда⁵⁷. Если мигранты, ориентированные на занятость в теневом сегменте рынка труда, описывают посредничество и работу на корейской фабрике как вершину карьеры, то для образовательных мигрантов таковым может быть деятельность по обслуживанию миграционных потоков или брак с местным жителем⁵⁸. Ключевым отличием модели, описываемой образовательными мигрантами, является то, что она подразумевает в большинстве случаев собственно интеграцию — включение в местную культуру и общество. Образовательные мигранты, особенно женщины, упоминают в своих сообщениях браки с местными, они чаще налаживают дружеские связи с корейцами и отмечают, что владеют корейским языком.

Заключение

В пределах рассмотренных цифровых площадок ключевыми акторами, производящими определяющие Южную Корею «цепочки эквивалентности», становятся трудовые мигранты, ориентированные на теневой сегмент рынка труда, образовательные мигранты, фанаты корейской массовой культуры (большинство которых — женщины), а также посредники. Частью этих цепочек становятся ситуации, пространства и практики, ассоциируемые с Кореей, в том числе алгоритмы действий для того, чтобы попасть в страну и интегрироваться в местное общество и экономику.

Трудовые мигранты уделяют внимание моменту перехода границы и различным приготовлениям, позволяющим мимикрировать под туриста, поиску работы на самушале, избеганию проверок местной миграционной службы. В их нарративе Южная Корея представляется идеальным местом для заработка в теневом сегменте двухмесячными «вахтами». Корею в их нарративе репрезентуют «3d» рабочие места, объединяющие мигрантов-нелегалов горизонтальные сети, граница, заводы, поля и раз-

⁵⁷ Вопрос для студентов, получивших степень бакалавра [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: https://vk.com/anonim_korea?w=wall-124005320_676002

⁵⁸ Здравствуйте, подскажите с чего стоит начать? Сейчас я в России, хочу устроиться на работу в Корею, я не этническая кореянка [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2023. URL: <https://www.facebook.com/groups/833065480090324/search/?q=%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D1%82%20%D0%BB%D0%B8>

личные опасности, связанные чаще всего с нарушением посредниками и работодателями в Корею своих неформальных обязательств.

Значимым фактором является и эмоциональная окраска производимого данной группой мигрантов образа. Прежде всего это радость от возможности легко «обмануть систему», заработав большие деньги за короткий период времени. Корея — страна, где заработать может буквально любой человек, не желающий или не имеющий возможности тратить ресурсы на получение образования или изучение языка, а также на прохождение процедуры легализации своего пребывания. Частью таких «цепочек эквивалентности» может быть представление о том, что Корея — страна, «официальная» часть которой изначально закрыта для русскоязычных мигрантов в силу несоответствия неким непроговариваемым, но подразумеваемым по умолчанию требованиям.

Женщины, ориентированные на занятость в теневом сегменте, добавляют к данной «цепочке эквивалентности» работу «на консумации» и в эскорте. Значимой частью образа Кореи, формируемой женщинами-мигрантами, а также фанатами корейской массовой культуры, становятся айдолы и актеры дорам. Нередко женщины-мигранты и фанаты включают в «цепочки эквивалентности» возможность брака с местным мужчиной. Описания отношений с корейцем, символы престижного потребления, а также корейская эстрада, фудкорт, сфера развлечений — все это способствует производству значений, имеющих выраженную положительную коннотацию, как и возможность значительных заработков без специальных навыков в нарративах трудовых мигрантов-мужчин. Альтернативную «цепочку эквивалентности» формируют образовательные мигранты, также преимущественно женщины. В их нарративе Корея представлена университетскими аудиториями, офисами, достопримечательностями, учреждениями культуры. В отличие от мигрантов, ориентированных на теневой сегмент, они не упоминают о наличии сомнений в обладании качествами, необходимыми для интеграции в корейское общество и экономику, декларируют готовность тратить ресурсы на получение образования, изучение языка, взаимодействие с местными сообществами.

Немаловажную роль в процессе превращения Южной Кореи из «элемента» в «момент» в пространстве цифровых коммуникационных площадок играют и многочисленные посредники, которые воспроизводят «цепочки эквивалентности», создаваемые разными категориями мигрантов, удаляя упоминания о проблемах и противоречиях при переезде в Корею. Таким образом, посредники делают акцент не столько на рациональном аспекте «цепочек эквивалентности», сколько на связанных с переездом эмоциях. Посредники, работающие с трудовыми мигрантами, акцентируют внимание на незначительности усилий, необходимых для заработка в Корею значительных сумм. Те, кто занимается вербовкой женщин-мигрантов в секс-индустрию, подчеркивают возможность познакомиться с местными мужчинами, «отдых» в местных барах и ночных клубах. Посредники, помогающие мигрантам поступать в корейские вузы, отмечают качество образования.

Так или иначе Южная Корея, превращенная в «момент» в артикулирующих мигрантов, фанатов и посредников, ассоциируется не только с набором преимущественно положительных эмоций, но и с конкретными алгоритмами действий в той или иной миграционной ситуации, которые гипотетически позволяют этих эмоций достичь. Теория принятия решений Г. Кляйна, а также исследования влияния социальных медиа на процесс принятия миграционных решений позволяют констатировать, что высказывания мигрантов из рассмотренных текстовых массивов могут влиять на миграционные потоки. Это объясняется тем, что эмоциональная часть ретранслируемого дискурса Южной Кореи может выступать в качестве миграционной мотивации, а алгоритм действий становится основанием для ментальной симуляции, которая может предшествовать принятию конкретных миграционных решений.

Таким образом, описанные мигрантские цифровые медиа могут способствовать воспроизводству следующих типов миграционных стратегий. Первая подразумевает въезд в качестве туриста с последующей карьерой в теновом сегменте — от поденного «арбайта» до постоянных должностей на крупных предприятиях. Эта карьера может прерываться на выезды в Россию по истечении безвизового периода. Также мигранты могут монетизировать полученный опыт и социальный капитал, занимаясь посреднической деятельностью. Люди, использующие такие стратегии, ориентированы на эксплуатацию собственной маргинальности [10], рассматривая Корею как наиболее подходящее для этого место.

Вторая стратегия заключается в том, чтобы остаться в стране на длительный срок, используя полулегальные механизмы вроде бизнес-брака или политического убежища либо визу для работников сферы искусства, если говорить о людях, планирующих работать в эскорте. Ни тот ни другой инструмент не гарантирует полного ухода от маргинальности: беженца могут выслать, не признав его статуса, мужа или жену гражданина Кореи могут не пустить в страну. Выбор стратегии убежища или бизнес-брака не означает, что мигрант не будет работать в теновом сегменте.

Третья стратегия ориентирована на получение высшего образования. Въехав в страну по студенческой визе, можно остаться здесь на несколько лет, сориентироваться и затем найти работу в легальном сегменте, может быть, даже войти в корейский средний класс. В отличие от предыдущих двух, эта стратегия предполагает собственно интеграцию — изучение языка, взаимодействие с принимающим сообществом, знакомство с местной культурой.

Гипотетически высказывания из рассмотренных текстовых массивов способствуют воспроизводству главным образом двух миграционных потоков. Первый составляют маятниковые трудовые мигранты, в большинстве своем мужчины, не знающие языка, рассчитывающие на «3д» работу, практически не заинтересованные в том, чтобы интегрироваться в корейское общество, и не предполагающие оставаться там на длительный срок. Второй поток состоит по большей части из женщин, ориентированных на получение образования в Корею

с последующей занятостью в сфере обслуживания, а также в областях экономики, связанных с обслуживанием миграционных потоков, частью которых были они сами. Многие женщины-мигранты выбирают интеграцию через брак с представителем принимающего сообщества.

Можно предположить, что именно воспроизводимые социальными медиа миграционные потоки в конечном счете выгодны принимающей стране: образованные, интегрированные молодые женщины позволяют улучшить демографическую ситуацию, а мужчины, готовые к тяжелой работе и не претендующие на то, чтобы оставаться в стране надолго, восполняют дефицит рабочих рук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова С. Солидарность участников неформальной экономики (на примере стратегий мигрантов и предпринимателей) // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 3–12. EDN: SAUXUD
2. Бредникова О., Паченков О. Этничность этнической экономики и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. № 2. С. 74–81. EDN: OYUWPJ
3. Ерохина Л.Д. Некоторые аспекты иностранной трудовой миграции в Южной Корею // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 35–42.
4. Иванова Н.С., Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Каких мигрантов привлекают экономически развитые страны и как они это делают: анализ международного опыта // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. № 15 (6). С. 811–825.
5. Игнатьева О.А. Дискурс-анализ политических суждений в контексте цифровизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 3. С. 259–272. DOI: 10.21638/spbu23.2021.303 EDN: GBFXQD
6. Йоргенсен М., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. под ред. А.А. Киселевой: Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 352 с.
7. Кильдюшова Ю.В., Мальганова И.Г. Сравнительный анализ трудовых миграционных потоков между Россией и Республикой Корея // Миграционные процессы, тренды, вызовы, перспективы. Казань: Отечество, 2014. С. 143–148.
8. Кляйн Г. Источники силы. Как люди принимают решения / Пер. с англ. Д. Кралечкин; Отв. ред. Л.Ф. Королева. М.: Дело, 2020. — 480 с.
9. Кужелева-Саган И.П. (ред). «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2016. — 168 с.
10. Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Социология. 1998. № 3. С. 167–176.
11. Рыжова Н., Журавская Т. Роль социальных медиа в адаптации россиян, занятых на precarious рынках труда в Корею и Китае // Экономическая социология. 2022. № 2. С. 11–35. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-11-35 EDN: DLHMKZ
12. Тен В.А. Миграция из России и стран Средней Азии в Республику Корея в 1990-е – 2000-е гг. // Вестник МГОУ. Серия: история и политические науки. 2014. № 5. С. 74–81. EDN: TIGZLZ

13. Тимошкин Д. Выживание, экзотика, пустота: эволюция постсоветского открытого рынка в городских нарративах // Социологический журнал. 2018. № 4. С. 54–74. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6097 EDN: YROUGT
14. Толстокулаков И.А. Участие государств корейского полуострова в миграционных процессах и проблема безопасности в северо-восточной Азии // Известия Восточного института. Политические науки. 2008. № 8. С. 37–48.
15. Чэнь Ди. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // Вестник СПбГУ. 2012. № 9. С. 223–230.
16. Alencar A. Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective // Information Communication & Society. 2018. No. 21. P. 1588–1603. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1340500
17. Dadabaev T., Soipov J. Craving jobs? Revisiting labor and educational migration from Uzbekistan to Japan and South Korea // Acta via serica. 2020. No. 5. P. 111–140.
18. Dekker R., et al. Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making // Social Media + Society. 2018 DOI: 10.1177/2056305118764439
19. Dekker R., Engbersen G. How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration // Global Networks. 2013. No. 14. P. 401–418. DOI: 10.1111/glob.12040
20. Dong-Hoon S. Population aging and international migration policy in South Korea // Journal of the Korean Welfare State and Social Policy. 2018. No. 2. P. 73–108. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459
21. Hidayati I. Social media and migration decision-making processes of Indonesian highly skilled migrant in the middle east countries // Journal of Humanities and Social Studies. 2020. No. 2 (4). P. 141–145. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459
22. Hidayati I. The role of social media on migration decision-making processes: Case of Indonesian Student in University of Groningen // Jurnal Studi Pemuda. 2017. No. 1 (6). P. 515–526. DOI: 10.22146/studipemudaugm.38010
23. Kyle D.J., Koikkalainen S. Cognitive Migration: The Role of Mental Simulation in the (Hot) Cultural Cognition of Migration Decisions // Decision Making for a Social World web Conference. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/215524815_Cognitive_Migration_The_Role_of_Mental_Simulation_in_the_Hot_Cultural_Cognition_of_Migration_Decisions
24. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso, 2014. — 216 p.
25. Narwaya S.T.G. Discourse analysis in the perspective of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe // Journal Communication Spectrum: Capturing New Perspectives in Communication. 2021. No. 11 (1). P. 1–11. DOI: 10.36782/jcs.v1i1.2106
26. Oh J., Kang D.K., Jiwon Shin J., Lee S.-L., Lee S.B., et al. Migration profile of the Republic of Korea. IOM MRTC research report series. 2012. No. 1. — 145 p.
27. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retro-spective Ethnographic Study // Qualitative Research. 2015. No. 13. P. 71–86. DOI: 10.1177/1468794112446107
28. Park Y. South Korea: balancing labor demand with strict controls // Migration policy institute. 2004 [online]. Accessed 08.12.2022. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/south-korea-balancing-labor-demand-strict-controls>
29. Silver A.M. Reconstructing Roots: Emotional Drivers of Migration and Identity // Social Sciences. 2023. No. 12 (2). P. 1–15. DOI: 10.3390/socsci12020060
30. Timoshkin D. Construction of horizontal networks on “migrant” Russian-language digital platforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. No. 13. P. 688–699. DOI: 10.17516/1997-1370-0599

31. *Walton S., Boon B.* Engaging with a Laclau & Mouffe informed discourse analysis: a proposed framework // *Qualitative Research in Organizations and Management*. 2014. No. 4 (9). P. 351–370. DOI: 10.1108/QROM-10-2012-1106
32. *Wang-Bae K.* Migration of foreign workers into South Korea: from periphery to semi-periphery in the global labor market // *Asian Survey*. 2004. No. 2. P. 316–335. DOI: 10.1525/as.2004.44.2.316

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тимошкин Дмитрий Олегович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет (ИГУ); доцент, кафедра культурологии и искусствоведения, Гуманитарный институт. Сибирский федеральный университет (ГИ СФУ).

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** dmtrim@gmail.com

Пчелкина Дарья Сергеевна — кандидат культурологии, доцент, кафедра культурологии и искусствоведения, ГИ СФУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** pchelkina.ml@mail.ru

Самарин Андрей Сергеевич — старший преподаватель, кафедра философии, ГИ СФУ; младший научный сотрудник НИЧ (тема 092-20-200), ИГУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** asamarin@sfu-kras.ru

Хворостов Всеволод Владимирович — студент 4-го курса бакалавриата, кафедра культурологии и искусствоведения, ГИ СФУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** hisfu@mail.ru:

Томилин Роман Викторович — студент 4-го курса бакалавриата, кафедра культурологии и искусствоведения, ГИ СФУ.

Телефон: +7 (953) 585-76-14. **Электронная почта:** hisfu@mail.ru:

Дата поступления: 16.01.2023.

SOTSIOLIGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 2. P. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2

Research Article

**DMITRY O. TIMOSHKIN¹, DARIA S. PCHELKINA¹, ANDREI S. SAMARIN^{1,2},
VSEVOLOD V. KHVOROSTOV¹, ROMAN V. TOMILIN¹**

¹ Institute for the Humanities. Siberian Federal University.

141, Soviet Army str., 443090, Krasnoyarsk, Russian Federation.

² Irkutsk State University.

70, Krasnoarmeyskaya str., office 1, 443041, Irkutsk, Russian Federation.

**SOCIAL MEDIA AS A MECHANISM FOR DEVELOPING AND REPRODUCING
MIGRATION STRATEGIES (USING THE EXAMPLE OF DIGITAL PLATFORM
PROFILES OF RUSSIAN-SPEAKING MIGRANTS IN KOREA)**

Abstract. This article analyzes texts written by users of Russian-language digital communication platforms on the topic of emigration to the Republic of Korea. The

purpose of the study was to determine what meanings are attributed to the Republic in these texts, and how these images can affect the migration strategies of Russian-speaking migrants. The texts were sourced from relevant communities inside the largest social networks by the number of Russian-speaking users. The research method of choice was discourse analysis. Korea was regarded as an intersectional symbol that combines “migrant” texts into a single discourse. Its significance was determined by means of the authors of the messages constructing associations between the host country and certain situations and actions. It was established that pendulum migrants working in the country illegally, educational migrants, intermediaries, and communities of fans of Korean popular culture are most actively involved in shaping the image of Korea within the considered social media platforms. The messages posted by those users who focus on the shadow segment of the labor market portray Korea as a country that deals with visitors employed in this segment in as lenient a manner as possible. During the visa-free period, you can earn more here than in six months back home, without knowing the language and without having any skills, after which you can go home and return to Korea again once the money you earned has run out. This group describes the following strategy: you enter the country as a tourist for 60 days, and find a job on “samushil” or through an intermediary. Then return to Russia temporarily, or stay in Korea illegally, or use such mechanisms as political asylum and marriage of convenience. Educational migrants describe Korea as a developed, safe and wealthy country, with optimal conditions for permanent residency. Many describe the following strategy: get into the country on a student visa, receive an education, find a job in areas somehow related to servicing Russian-speaking migration flows. Some count on legalization through marriage to a member of the host community. Groups dedicated to Korean popular culture associate the Republic with a male idol, overconsumption, scenery and drama characters. Their users might describe either of the strategies mentioned above. A group of intermediaries reproduces the images conveyed by the texts produced by illegal migrants and k-pop communities, idealizing Korea and omitting the numerous difficulties and risks associated with staying there. Intermediaries essentially provide customers with the opportunity to become a part of this image by selling them paths of migration to and integration in Korea, which are often utilized by pendulum and educational migrants. According to G. Klein’s model of decision-making in a situation of uncertainty, it can be assumed that “migrant” social media containing these images contribute to the dissemination and reproduction of appropriate migration strategies, influencing the direction and content of migration flows between Korea and the CIS countries.

Keywords: Korea; migration strategies; social media; discourse; mental simulations; informal economy; mediation; k-pop.

For citation: Timoshkin, D.O., Pchelkina, D.S., Samarin, A.S., Khvorostov, V.V., Tomilin, R.V. Social Media as a Mechanism for developing and reproducing Migration Strategies (using the Example of Digital Platform profiles of Russian-Speaking Migrants in Korea). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2

Acknowledgment. The article was prepared with the support of the Korea Foundation, project “Images of the Republic of Korea and the DPRK in the public and information space”.

REFERENCES

1. Barsukova S. Solidarnost’ uchastnikov neformal’noi ekonomiki (na primere strategii migrantov i predprinimatelei). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002. No. 4. P. 3–12. (In Russ.)
2. Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost’ etnicheskoi ekonomiki i sotsial’nye seti migrantov. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. No. 2. P. 74–81. (In Russ.)

3. Erokhina L.D. Nekotorye aspekty inostrannoi trudovoi migratsii v Yuzhnoi Koree. *Vestnik DVO RAN*. 2008. No. 2. P. 35–42. (In Russ.)
4. Ivanova N.S., Varshaver E.A., Rocheva A.L. Kakikh migrantov privlekayut ekonomicheski razvitye strany i kak oni eto delayut: analiz mezhdunarodnogo opyta. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. No. 15 (6). P. 811–825. (In Russ.)
5. Ignat'eva O.A. Diskurs-analiz politicheskikh suzhenii v kontekste tsifrovizatsii. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 259–272. DOI: 10.21638/spbu23.2021.303 (In Russ.)
6. Iorgensen M., Fillips L.Dzh. Discourse analysis. Theory and method. [Russ. ed.: *Diskurs-analiz. Teoriya i metod*. Transl. from Eng.; Ed. by A.A. Kiseleva: Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr publ., 2008. 352 p.]
7. Kil'dyushova Yu.V., Mal'ganova I.G. Sravnitel'nyi analiz trudovykh migratsionnykh potokov mezhdru Rossiei i Respublikoi Koreya. *Migratsionnye protsessy, trendy, vyzovy, perspektivy*. [Migration processes, trends, challenges, prospects.] Kazan': Otechestvo publ., 2014. P. 143–148. (In Russ.)
8. Klyain G. Sources of Power. How people make decision. [Russ. ed.: *Istochniki sily. Kak lyudi prinimayut resheniya*. Transl. from Eng. by D. Kralachkin; Ed. by L.F. Koroleva. Moscow: Delo publ., 2020. 480 p.]
9. Kuzheleva-Sagan I.P. (ed). “*Tsifrovye diaspori*” migrantov iz Tsentral'noi Azii: virtual'naya setevaya organizatsiya, diskurs “voobrazaemogo soobshchestva” i konkurentsia identichnosti. [“Digital diasporas” of migrants from Central Asia: a virtual network organization, the discourse of an “imaginary community” and the competition of identities.] Tomsk: Izd. dom Tomskogo gos. un-ta publ., 2016. 168 p. (In Russ.)
10. Park R.E. Chelovecheskaya migratsiya i marginal'nyi chelovek. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Sotsiologiya*. 1998. No. 3. P. 167–176. (In Russ.)
11. Ryzhova N., Zhuravskaya T. Rol' sotsial'nykh media v adaptatsii rossiyan, zanyatykh na prekar'nykh rynkakh truda v Koree i Kitae. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2022. No. 2. P. 11–35. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-2-11-35 (In Russ.)
12. Ten V.A. Migration from Russia and Central Asian countries to the Republic of Korea in the 1990s – 2000s. *Vestnik MGOU. Seriya: istoriya i politicheskie nauki*. 2014. No. 5. P. 74–81. (In Russ.)
13. Timoshkin D. Vyzhivanie, ekzotika, pustota: evolyutsiya postsovetskogo otkrytogo rynka v gorodskikh narrativakh. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. No. 4. P. 54–74. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6097 (In Russ.)
14. Tolstokulakov I.A. Uchastie gosudarstv koreiskogo poluostrova v migratsionnykh protsessakh i problema bezopasnosti v severo-vostochnoi Azii. *Izvestiya Vostochnogo instituta. Politicheskie nauki*. 2008. No. 8. P. 37–48. (In Russ.)
15. Chen' Di. Sotsial'nye setevye media i sotsial'nye seti v kontseptsiyakh amerikanskikh i rossiiskikh issledovatelei. *Vestnik SPbGU*. 2012. No. 9. P. 223–230. (In Russ.)
16. Alencar A. Refugee Integration and Social Media: A Local and Experiential Perspective. *Information Communication & Society*. 2018. No. 21. P. 1588–1603. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1340500
17. Dadabaev T., Soipov J. Craving jobs? Revisiting labor and educational migration from Uzbekistan to Japan and South Korea. *Acta via serica*. 2020. No. 5. P. 111–140.
18. Dekker R., et al. Smart Refugees: How Syrian Asylum Migrants Use Social Media Information in Migration Decision-Making. *Social Media + Society*. 2018. DOI: 10.1177/2056305118764439
19. Dekker R., Engbersen G. How Social Media Transform Migrant Networks and Facilitate Migration. *Global Networks*. 2013. No. 14. P. 401–418. DOI: 10.1111/glob.12040
20. Dong-Hoon S. Population aging and international migration policy in South Korea. *Journal of the Korean Welfare State and Social Policy*. 2018. No. 2. P. 73–108. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459
21. Hidayati I. Social media and migration decision-making processes of indonesian highly skilled migrant in the middle east countries. *Journal of Humanities and Social Studies*. 2020. No. 2 (4). P. 141–145. DOI: 10.33751/jhss.v4i2.2459

22. Hidayati I. The role of social media on migration decision-making processes: Case of Indonesian Student in University of Groningen. *Jurnal Studi Pemuda*. 2017. No. 1 (6). P. 515–526. DOI: 10.22146/studipemudaugm.38010
23. Kyle D.J., Koikkalainen S. Cognitive Migration: The Role of Mental Simulation in the (Hot) Cultural Cognition of Migration Decisions. *Decision Making for a Social World web Conference*. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/215524815_Cognitive_Migration_The_Role_of_Mental_Simulation_in_the_Hot_Cultural_Cognition_of_Migration_Decisions
24. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. L.: Verso, 2014. 216 p.
25. Narwaya S.T.G. Discourse analysis in the perspective of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. *Journal Communication Spectrum: Capturing New Perspectives in Communication*. 2021. No. 11 (1). P. 1–11. DOI: 10.36782/jcs.v1i1.2106
26. Oh J., Kang D.K., Jiwon Shin J., Lee S.-L., Lee S.B., et al. *Migration profile of the Republic of Korea. IOM MRTC research report series*. 2012. No. 1. 145 p.
27. Paechter S. Researching Sensitive Issues Online: Implications of a Hybrid Insider/Outsider Position in a Retro-spective Ethnographic Study. *Qualitative Research*. 2015. No. 13. P. 71–86. DOI: 10.1177/1468794112446107
28. Park Y. South Korea: balancing labor demand with strict controls. *Migration policy institute*. 2004. Accessed 08.12.2022. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/south-korea-balancing-labor-demand-strict-controls>
29. Silver A.M. Reconstructing Roots: Emotional Drivers of Migration and Identity. *Social Sciences*. 2023. No. 12 (2). P. 1–15. DOI: 10.3390/socsci12020060
30. Timoshkin D. Construction of horizontal networks on “migrant” Russian-language digital platforms. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. No. 13. P. 688–699. DOI: 10.17516/1997-1370-0599
31. Walton S., Boon B. Engaging with a Laclau & Mouffe informed discourse analysis: a proposed framework. *Qualitative Research in Organizations and Management*. 2014. No. 4 (9). P. 351–370. DOI: 10.1108/QROM-10-2012-1106
32. Wang-Bae K. Migration of foreign workers into South Korea: from periphery to semi-periphery in the global labor market. *Asian Survey*. 2004. No. 2. P. 316–335. DOI: 10.1525/as.2004.44.2.316

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry O. Timoshkin — Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow, Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University; Associate Professor, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** dmtrtim@gmail.com

Daria S. Pchelkina — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** pchelkina.ml@mail.ru

Andrei S. Samarín — Senior Lecturer, Department of Philosophy, Institute for the Humanities. Siberian Federal University; Junior Researcher, Irkutsk State University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** asamarin@sfu-kras.ru

Vsevolod V. Khvorostov — 4th year bachelor’s student, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** hisfu@mail.ru

Roman V. Tomilin — 4th year bachelor’s student, Department of Cultural Studies and Art History, Institute for the Humanities. Siberian Federal University.
Phone: +7 (953) 585-76-14. **Email:** hisfu@mail.ru